

Вадим Векслер

16+

АНТИКВЕСТ

Вадим Векслер

АнтиКвест

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62985093

SelfPub; 2020

Аннотация

Вот основные правила, превращающие АнтиКвест в уникальный experience: 1) ты участвуешь не добровольно; 2) ты не знаешь о своем участии; 3) ты не ограничен одной искусственной локацией, ивенты могут застигнуть тебя где угодно; 4) ты либо один, либо не знаешь, против кого или с кем играешь в команде; 5) ты не можешь добровольно выйти из игры; 6) победителей нет, только приобретенный личный опыт; 7) этот квест не заканчивается никогда, теперь это просто твоя жизнь.

Сцена 1. Очень странные дела

Он вообще не должен был оказаться в этом чертовом автобусе. Но у велосипеда протерлась покрышка, голая рама соприкоснулась с нежной поверхностью камеры и вш-ш-ш-ш-ш! Кирилл остался без колес. Будний день, раннее летнее утро: селедок набилось – не продохнуть. И припекает уже не по детски. А ведь похоже, только он один, замученный, со смены. Все хмурые, озлобленные, боевые – готовы к трудовому дню. Никто уже не помнит, что месяца три назад именно в этот маршрут влетел гружёный КАМАЗ с отказавшими тормозами: 33 жертвы. Людей просто нашпиговало щебнем как шрапнелью. Не важно, забыто, потрачено.

И вот катили они полями и лесами, уже подбирались к родному городу, и тут в метре от Кирилла грохнуло. Он испугался – граната. Но никто не заорал, соседи лишь напряженно переглянулись. Автобус дотянул до остановки и всех попросили на выход. Выяснилось: прокол, спустило колесо. Для Кирилла второе за день. Зашибись.

– Сохраняем билеты, организованно ждем следующего автобуса, – распылялась на остановке кондукторша.

Он осмотрел плотную толпу, умножил на два, прикинул в уме и присвистнул: нет, ребята, как-нибудь без меня. Тут и пешком не так далеко: через мост над речушкой – вот и

город.

Но главное не в этом, не в душной толпе, не в расстоянии, не в двух лопнувших колесах. Просто, если Вселенная и подает какие-либо знаки, то что всё это, если не знак? Будто холодком по голой спине повеяло, тут и суеверным стать не долго. Как кто-то настойчиво окорачивает: не лезь! Не нужно тебе быть на этом маршруте. Теми, кто смеется над судьбой, переполнены кладбища.

И он пошел пешком. За мостом в притворном благодушии и утренней неге раскинулся город. Новый район: и симпатичный, и загадочно-юный, неисследованный. Вдоль оставленного шоссе всё равно не было даже толковой ровной обочины – просто многокилометровая пробка, ползущая как древняя полупарализованная гусеница впритык к лесополосе – и Кирилл вошел, даже будто проник в город.

И когда они умудрились всё это понастроить? Кирилл сколько себя помнил, ничего кроме пустырей, ошметков древнего леса и жутковатых полусгнивших гаражей здесь отродясь не бывало. И вот целое царство многоэтажек, понатыканных как горные вершины в Гималаях, и каждый дом – маленькая крепость со своей персональной дорогой мимо решеток и заборов. Когда вообще так стали планировать застройку? Здесь же без карты заплутаешь на раз! Ни одной прямой улицы, дорожки разбегаются как тропинки в лесу. Кирилл решил ориентироваться на самое высокое здание, которое как раз топорщилось в направлении родного, старо-

го города, пошел и сразу уткнулся в какие-то дорожные работы. Всё разрыто, перегорожено; двинулся направо – через триста метров почти завяз в свежем, вонючем, дымящемся асфальте, пришлось развернуться назад. Не прошло и пяти минут, как снова какая-то пестрая лента перекрывает проход. За ней люди в форме что-то фотографируют: жутковатые бурые пятна на земле, будто тени очерчены мелом. Ну их к черту, сейчас заставят понатым вписаться, ещё на полчаса застрянешь. Кирилл оглянулся в поисках прохода, нашел новую тропинку – она тут же привела к неизбежному шлагбауму с будкой охранника позади. Так: выбирать нужно только прямые и длинные тротуары, аллеи с хорошим обзором вместо этих извилистых и коротких аппендиксов, иначе тут до обеда проплутаешь.

Но каждая приличная дорога каждый раз упиралась то в забор, то в котлован и стройку, то просто какие-то зеленые люди раскорячивали свои грузовики и трактора, разбрасывали оранжевые конусы, выдвигали длинные лестницы, пилили деревья, меняли лампы на столбах, постоянно что-то красили, мыли, стригли, полировали как перед приездом большого начальства. И каждый раз находилась одна и только одна дорожка, казалось бы в случайном направлении, но что-то начало подсказывать, что и не случайность это вовсе. А будто тебя куда-то ведут, даже заманивают. Очередная разрытая дорога – трубу прорвало: грязь, пар, клекот понабежавших работников; и снова разворот, поворот, решетка, калитка

и лабиринт выводит внезапно к... Кирилл испуганно замер. Но как здесь это очутилось? Нет, это какой-то бред! Это физически невозможно!

Он заинтригованно хмыкнул, неуверенно потоптался пару секунд, но решился и бодро подошел к знакомым дверям.

...

Сцена 2. Мрачные тени

Аня всегда боялась незнакомцев. Мать с ранних лет пугала неизбежным изнасилованием, лишь заметив краем глаза оскорбительную длину юбки. Отец просто плевался и уходил бухать в гараж. Они оба оказались в том злополучном автобусе, который нашинковал гравием взбесившийся грузовик. Аня уже три месяца одна, некому за нее постоять.

И вот – проклятый кварталный отчет! – пришлось добираться домой на последнем троллейбусе, затемно. Мелкий отвратительный дождь распугал последних прохожих, она оказалась на остановке одна. Нет, стоп, ещё какой-то высокий мужчина вышел из укатившего вдаль, в теплый гараж пустого крутобокого рогача, а может незнакомец так и стоял на остановке под козырьком, прятался от дождя?

Аня замерла. Начала тянуть время, ковыряться в сумочке, где, кстати, нашарила перцовый баллончик. Мужчина наконец шевельнулся, пошел через дорогу по зебре. Аня, нехотя, двинулась следом, выдерживая безопасное расстояние. Ули-

цы будто вымерли – ни души, только неясные шорохи по темным кустам. Незнакомец впереди повернул к магазину и Аня с облегчением подумала, что он заскочит именно туда. Но высокий силуэт прошел мимо, причем строго в направлении ее дома.

Аня хотела приотстать, но фигура впереди своими изломанными, резкими движениями почему-то не удалялась, оставалась на прежнем расстоянии, будто приноравливалась. И поворачивала раз за разом именно в сторону родного двора. Аня решила было обойти через сквер, но оттуда так страшно, пьяно, развязно заржали, что она шарахнулась назад и вернулась на привычный маршрут. Силуэт впереди никуда не делся, и чем ближе они приближались к дому, тем Ане становилось тревожнее. Они шли темными переулками, дерганая тень незнакомца почти терялась во мраке, но нечеткая, рваная поступь слышалась на той же дистанции.

Когда они добрались до ее двора, Аня решила действовать на опережение, обогнать незнакомца, спрятаться в подъезде с кодовым замком. Она ускорила, но тень впереди припустила ещё сильнее, по сути рванула в направлении ее дома. Аня всё не верила в такое совпадение, ей казалось – заговор, западня, а проворный спутник действительно подскочил к двери, поколдовал с панелью и очутился в парадном раньше нее. Аня притормозила и задумалась. В подъезде всего 12 квартир, она знает почти всех соседей в лицо. Не было там никого с такой фигурой, с этой изломанной походкой!

И что-то ее остановило. Какое-то внутреннее чутье, а может просто животный страх начал не просто подсказывать – кричать, что не стоит сейчас, нельзя заходить в парадное вслед за этим странным субъектом. К черту! Аня достала телефон, нашла контакт самой разбитной подруги из живущих по соседству.

– Не хочешь пропустить бокал-другой вина? Я сдала, наконец, этот долбаный квартальный отчет! Ага... Нет, лучше я к тебе...

Аня завернула за угол дома, бросила по привычке взгляд на свои окна на первом этаже и похолодела: все огни горели.

– Нет. Я сама забыла утром выключить! Я постоянно забываю. Нет! – начала она себя забалтывать.

Вдруг в голову закралась совсем безумная идея: тихонечко подойти к высокому окну, подтянуться за карниз и заглянуть внутрь. Но остановило одно: кого или что она там может увидеть. Например – себя?

Она отшатнулась, развернулась и быстро зашагала к подруге.

Сцена 3. Всё страньше и страньше

...

– Это какая-то чушь! Не могли же они целое здание! Так и свет горит, и звуки...

Кирилл брел, не разбирая дороги. Потом на секунду при-

шел в себя, понял, что совсем заплутал. Заметил, как на скамеечке сидит и греется в лучах солнца старичок – «божий одуванчик». Дед немного жмурился с закрытыми глазами, чему-то своему улыбался, был практически просветлен. Кирилл подошел к нему плавно, вежливо кашлянул:

– Извините, не подскажете...

Дед открыл глаза, посмотрел на него секунду затравленно и вдруг начал истошно орать. Кирилл аж подпрыгнул на месте, развернулся и припустил под аккомпанемент этих почти нечеловеческих криков, переходящих местами чуть не в уханье подстреленного филина: прочь, за угол, в соседний двор...

Дед истово визжал ему вслед:

– Ироды! Оставьте младенцев! Оставьте их в покое!

Когда парень скрылся из вида, дед, как ни в чем не бывало, прекратил орать, его лицо моментально разгладилось, он закрыл глаза, расслабленно развалился на скамеечке и снова принялся благодушно улыбаться.

Кирилл успокоился только когда выскочил к узкой однополосной дороге, к людям; решил двигаться по обочине проезжей части – выходить из странного района вместе с потоком машин.

– Вы не подскажете, где здесь улица Садовая? – из открытого окна проезжающего джипа.

– Я не местный, – процедил Кирилл сквозь зубы.

Через пару минут запыхавшаяся девушка бесцеремонно

схватила его за плечо:

– Извините, вы не знаете, где находится дом 22б по улице Садовой?

– Нет. Отпустите!

Девушка убежала.

«Какую улицу она спросила? Садовую?»

Но вот уже перекресток, светофор, длинный широкий проспект и старый город в пределах видимости. Вышел!

– Возьмите газету. Она бесплатная. Спасибо.

Кирилл сам не понял, как зажал в руке рулончик дешевой бумаги.

Приободренный спасением из лабиринта, Кирилл забыл об усталости и довольно быстро добрался до дома. Перед ним в подъезд зашли три незнакомых человека, которые ему чем-то сразу не понравились. Их каменные спины напоминали что-то из далекого прошлого: советское, казарменное, бездушное. Они уверенно поднялись по лестнице на третий этаж (Кирилл немного подотстал, запыхавшись), подошли к его двери, вдруг ловко открыли квартиру своим ключом или отмычкой прямо у него на глазах и бесцеремонно зашли внутрь как к себе домой. Он оторопел, тупо посмотрел на связку ключей в своей руке, которые должны быть только у него. Дверь осталась распахнутой настежь и именно это испугало его по-настоящему. Будто бы он оказался в мире, где его самого уже нет, про него все забыли, а собственность за-

хватили какие-то посторонние темные личности. Сейчас будут выносить мебель. И он просто не решился зайти в свою квартиру, нарваться на неминуемый скандал, потом милиция, протокол, понятые; он просто вышел во двор, сел на скамейку у подъезда и нервно закурил.

Во дворе – обычный день, играют дети, где-то в глубине в тени деревьев на пеньках распивают колдыри. Кирилл обхватил себя за плечи – его начала колотить мелкая дрожь: он понял в этот момент окончательно, что в его жизни наступили необратимые изменения, с последствиями которых придется иметь дело прямо сейчас и на долгую перспективу.

Он выкурил две подряд, между сигаретами поднимался, ходил туда-сюда, что-то бормотал себе под нос, затем снова садился на скамейку, при этом непрерывно следит за дверью: из подъезда за это время никто не вышел.

– Ну что же? Я же не раб, в конце концов? Не трус? Это моя квартира. Хватит трястись!

Он накручивал себя, собирался с силами, в итоге понял, что всё равно деваться некуда и вернулся в подъезд. Так медленно он не поднимался на свой этаж даже пьяный вдрабадан. Но вот: дверь квартиры закрыта, он подождал ещё пару минут, прислушиваясь, затем дернул ручку – заперто. Он достал из кармана ключи, открыл дверь, сначала осторожно заглянул внутрь, потом аккуратно зашел – никого.

В комнате бесшумно работал телевизор. Местный канал. Кирилл лишь дернул головой:

– Может у меня глюки с недосыпа? А ящик я сам забыл выключить?

Сел в кресло перед телевизором, растерянность сменила испуг.

Реклама на канале: *«Участвуйте в новом самом модном квесте...»*

Адрес внизу экрана *«Ул. Садовая, д. 22б»*

– Да вы затрахали! – Кирилл вырубил телевизор, механически раскрыл помятую газету в руке. На половину первой полосы огромное красочное рекламное объявление:

«Невероятный зубодробительный квест! Ул. Садовая, д. 22б»

Сцена 4. Никогда не доверяйте незнакомцам

Аня обожала детективы и не терпела неразрешенные загадки. Она ещё неделю высматривала незнакомца из подъезда, спрашивала соседей – может, кто переехал? Результат оказался нулевым. Но история не закончилась.

В субботу утром, мельком глянув в окно, Аня обратила внимание на высокого крепкого старика в длинном заношенном пальто и новенькой, но немного мятой широкополой шляпе. Дед торчал прямо в палисаднике и беззастенчиво пялился в ее окно. Застыл, не шевелился, казалось, что он так стоит уже давно.

– Собаку, что ли, выгуливает?

Аня задернула шторы.

Однако, уже вечером, находясь на кухне, Аня случайно зацепила взглядом улицу и заметила, что странный старик всё на том же месте так и вперился в ее окна.

«Наверное, какой-нибудь городской сумасшедший» – подумала Аня и закрыла жалюзи теперь и на кухне.

Затем она долго не могла уснуть: тяжелые, пугающие мысли не шли из головы, и уже за полночь резво вскочила с кровати, подошла к окну и выглянула из-за гардины. Старик никуда не делся, будто врос в землю. «Какого черта? Ему есть-пить не надо, что ли?» Аня проворочалась всю ночь, задремала только под утро.

Ближе к обеду ее разбудила соседская дрель.

– Как же вы затрахаили со своим долбаным ремонтом! – привычно вернулась к реальности Аня. Потом она припомнила вчерашние диковины и поспешила к окну. Старик торчал всё там же. «Ну, псих, держись!» – решила Аня, наскоро оделась и решительно вышла на улицу, завернула за угол дома, углубилась в палисадник, но никого там не нашла. По примятой траве она вычислила место, где топтался загадочный старик, но больше никаких улик не обнаружила.

Услышав визгливый собачий лай, она развернулась, нашла хозяйку пуделя, вежливо поинтересовалась:

– Извините, вы не видели такого потрепанного старика в пальто и шляпе. Тут только что стоял?

– Нет, вроде бы никого не было, даже странно: воскрес-

нье, а двор будто вымер.

Аня пожала плечами и вернулась домой недовольная. На всякий случай выглянула в окно: чертов старикашка снова нарисовался! Будто и не пропадал вовсе! Вдруг он посмотрел ей в глаза и широко улыбнулся. И такой безумной жутью повеяло от этой натужной беззубой улыбки, что Аня испугалась и спряталась вглубь квартиры. Весь энтузиазм сыщика-любителя в ней резко иссяк. Может быть, есть секреты, которые не стоит раскрывать?

Но старик продолжал торчать под окнами день за днем и неизбежно исчезал, стоило только выйти на улицу и завернуть за угол дома. Аня собралась было уже вызвать ментов, но решила прибегнуть к последнему средству – хитрости и камуфляжу. Пригласила в гости подругу с работы, у которой была похожая прическа, посадила ту у окна спиной к улице, а сама метнулась в палисадник и поймала-таки пронырливого старикана за шкирмо:

– Попался, сталкер престарелый? Что тебе от меня нужно, быстро признавайся!

Старик не испугался, не попятился, лишь выдохнул устало:

– В этом доме, в этой самой квартире две недели назад пропал мой сын Андрей. Так сказали Они. И я жду, когда он покажется за этими шторами.

– В смысле покажется? Это моя квартира, и там нет ни одного Андрея.

– Они сказали, что есть только два способа вернуть его оттуда.

– Откуда?

– Из квантовой суперпозиции. Он застрял там как кот Шредингера.

– Дичь какая-то. Так и знала, что сумасшедший...

Аня хотела было уйти, но дед вцепился в ее руку:

– Я нормален. Просто отчаялся. Пожалейте старика, помогите!

– Черт с вами, вы сказали два способа, и какой второй?

– Вы, та что спрашивает меня о нем, та первая, кто о нем вспомнит, когда все про него забыли, должна отправиться на Садовую 22б.

– Что?! Да с какой стати? Что мне там делать?

– Чтобы пройти квест, так они сказали.

– Да кто эти они?

– Я не могу вам сказать, иначе они не отпустят его из этой квантовой жуткой тюрьмы.

– Отлично. Спасибо за исчерпывающую информацию. Но я ненавижу квесты и не собираюсь вам подыгрывать в вашем безумии. Убирайтесь отсюда, иначе я вызову полицию. Попробуйте им объяснить про квантовых котов и исчезнувших Андреев. Уж извините.

– Я уйду. Но так просто всё это не закончится, помяните мое слово.

– Только вот пугать не надо. До свиданья.

Аня резко развернулась и ушла домой. Старик с этого дня пропал.

Сцена 5. Прошлое не отпускает

На даче засыпалось всегда легко. Даже одиночество не пугало. Ты сбегашь из города ото всех проблем, назойливой толпы, круглосуточного грохота и поганого, ядовитого воздуха, а погружаешься в мир дикой, едва причесанной природы, неги, сладостной дремы и вечного, сказочного сна. Запереть входную дверь, забраться на второй этаж по старым, повизгивающим от каждого касания ступеням, немного Борхеса и в царство Морфея...

Кирилл проснулся от резких звуков. Кто-то медленно, тяжело и уверенно поднимался по скрипящей лестнице на второй этаж. Так властно и спокойно мог вышагивать только отец. Но ведь входная дверь заперта изнутри на щеколду! Кирилл отвернулся к стене, полупарализованный от страха, замер, затаился, стал ждать, что будет дальше. А, может, это только сон? Проснись сейчас же! – приказал себе. Но нет, все ощущения настолько четкие, последовательные, адекватные – даже таблица умножения в голове посчиталась быстро и правильно.

Шаги приближались. Весь мир вокруг затих, застыл. Только звуки с лестницы заполняли пространство. Дверь к комнату распахнулась беззвучно. Лишь тонкая полоска лун-

ного света от окна в коридоре выдала ее. Плотный силуэт отобразился на стене. Гость сделал пару размеренных шагов и присел на край кровати.

– Сыночка, ты спишь?

Нет ответа.

Кирилл сжался в комок.

– А мне вот никак не спится. Последнюю рюмку допил, нужно новое лекарство. Я в магазин собрался, надо ехать, только сам я не доеду. Одевайся, мы быстро!

Нет ответа.

Крепкая мозолистая ладонь легла на дрожащую изогнутую спину.

– Ну сыночка, помоги! Мне очень плохо. Я знаю, я горький пьяница, я болен, мне нужна микстура. Ты же не брошишь одного папочку в беде? Я разобьюсь, меня менты повяжут... Собирайся! Поехали в магазин! Хватит упрямиться!

– Убирайся!!! – вопль разрезал ночной, посвежевший после вечерней духоты воздух.

Грузное тело медленно поднялось с кровати и покинуло комнату. Звуки стихли. И ступеньки молчали.

Либо ЭТО затаилось в коридоре, либо наконец сгнуло.

Отец умер два года назад. Цирроз печени. Умер именно здесь на даче, на первом этаже, прямо на полу. И два года Кирилл ездил на дачу один. Не боялся кошмаров или страшных громких необъяснимых звуков, коими обычно полнится пустой просторный дом. И тут такое...

Он нашел в себе силы и осторожно сполз с кровати. На цыпочках добрался до двери. Выглянул в узкий темный коридор. Вроде, никого. Нащупал на стене выключатель и щелкнул. Зажглась тусклая лампочка под потолком, слабо осветила паутину по углам. Пусто, тихо. Кирилл спустился на первый этаж и заметил, что из-под двери в гараж пробивается узкая полоска света. Он точно не оставлял лампочку включенной. Подошел, выдохнул, надавил пальцем обитую дерматином поверхность – приоткрылась щель – никого. Вот только водительская дверь в старенькую отцовскую «Ниву» распахнута настежь. Кирилл не трогал машину все эти годы. Сделал пару осторожных шагов, заглянул внутрь – пусто. Но ключи в замке зажигания. А должны быть в бардачке. Он выдернул связку и спрятал в карман.

– Никуда ты не уедешь! Уже выпил свое до конца. Испил, так сказать, – храбрился, хорохорился, говоря вслух в ночной воздух, но по спине вверх-вниз сновали леденящие мурашки.

Вдруг рядом, прямо за забором завыла соседская собака. Громко, протяжно, противно.

– Сука тупая! Испугала как! – закричал он в ответ, дернувшись, подскочив. Собака заткнулась.

– Так, видно поспать уже не удастся, – Кирилл отправился на кухню заварить себе кофе покрепче.

Сцена 6. Арахнофобия

В любимой чашке сидел паук. Это было омерзительно. Аня не то чтобы боялась пауков – просто не выносила. Ее передернуло от отвращения. Раньше она всегда звала отца или, в крайнем случае, недовольно брюзжащую мать, чтобы они избавились от этих монстров. Теперь Аня была одна, помощи ждать неоткуда. Она надела большие резиновые перчатки, на вытянутой руке ухватила чашку и понесла в ванную. Паук начал метаться кругами, вылез на ребро, попытался перебраться на ручку – Аня дернулась – побалансировал секунду на трех лапах: остальные извивались в воздухе и нырнул обратно. Аня, стараясь не заорать, набрала воды в чашку и смыла тварь в унитаз. Несколько раз жала на кнопку бачка, чтобы гарантированно, с концами. Чашку долго отмывала химией, но отторжение осталось и она задвинула любимицу поглубже в сервант. Выкинуть все же было жалко.

Аня стянула перчатки, взглянула на чистые ладони, но все равно вернулась в ванную, включила горячую воду, достала новую упаковку мыла, вытянула крупный ароматный кусок, тщательно, густо намылила руки и лицо, положила оплывший брусок на полочку. На поверхности мыла открылась продольная трещина и изнутри медленно высунулись длинные тонкие мохнатые лапки. Аня смыла пену, спрятала лицо в пушистое полотенце и не заметила, что из трещины вылез здоровенный паук и быстро спрятался за батарею.

Вечером Аня наполнила ванну, включила музыку, забра-

лась в горячую воду, расслабилась, закрыла глаза и принялась тихо-тихо подпевать. Паук вылез из-за батареи, медленно и деловито прогулялся по стене, пока не оказался прямо над головой девушки. В этот момент Аня задела рукой поверхность воды, полетевшие брызги зацепили паука и он свалился ей прямо на волосы. Она инстинктивным движением смахнула его с макушки, только после открыла глаза и заорала. Паук шлепнулся в воду посередине ванны, но не утонул, а споро заскользил по поверхности в сторону выступающих небольшими островками ступней. Аня спрятала ноги под воду и вжалась в контуры ванной. Паук замер на секунду, сориентировался и устремился в противоположном направлении, в сторону ее лица.

Девушка завизжала снова и пулей выскочила из ванной, расплескав воду по всей комнате. Паук переждал бурю, невозмутимо выбрался из воды и побежал вверх по стене. Аня схватила вафельное полотенце и впечатала со всех сил чудовище в стену, потом долго давила сквозь ткань обеими руками, собрала, сжала этот кошмар в плотный комок, выскочила на кухню и выкинула все это месиво в окно на улицу.

Ночью она никак не могла уснуть, включила лампочку у изголовья, принялась читать. Вдруг книжный лист закрыла какая-то неясная тень, но буквально через долю секунды стали отчетливо различимы извивающиеся тонкие ножки размером с целую страницу. Аня рефлекторно отпрянула, сообразила расположение источника тени, дернула головой в об-

ратную сторону и только затем в испуге повернулась лицом к светильнику. В 10 см от ее глаз висел на тонкой, спущенной с потолка паутинке жирный черно-зеленый паук. Аня застыла на секунду. Паук перебирал лапками, будто бы ласкал свою натянутую тетиву как проголодавшийся лучник. Потом он вдруг выбросил лапы во все стороны и спрыгнул на подушку. Аня взвизгнула, соскочила с кровати и включила свет в комнате.

И тогда она увидела их всех. На стенах, на потолке, на полу, висящих в воздухе на невидимых нитях, бегающих по мебели, по кровати, по постельному белью. Беззвучных, по-хозяйски самоуверенных, деловитых, быстрых, опасных. Будто вовсе и не её это комната была, а заброшенный пыльный чердак. В самом темном углу шевелилось что-то здоровое, волосатое, упитанное, ленивое. Аня не стала разглядывать дальше, схватила с тумбочки мобильник, выскочила из комнаты, захлопнула дверь, наспех оделась и сбежала из квартиры.

Прямо у двери подъезда ее будто подждал, будто знал, что она появится, всё тот же жуткий старик.

– Вы меня не послушали! Вы не были на Садовой 226! Теперь вы пожалеете!

– Что вы несете, при чем здесь Садовая?!

– Эти люди так просто не отступятся. Если вы хотите вернуть нормальную жизнь, вам придется отправиться на Садовую 226!

– А если я этого не сделаю?

– Вы уже посреди ночи на улице кричите на полоумного старика и боитесь зайти в собственную квартиру. Дальше будет только хуже.

– Во-первых, я не кричу. Это вам неплохо бы поумерить тон. А во-вторых, вы можете адекватно объяснить, что это за Садовая такая, что меня там ожидает?

– Это называется «Квест». Только это вовсе не квест, а, скорее, наоборот.

Сцена 7. Ночью в лесу не страшно

Экспозиция.

Ранний сентябрь, ночь. Загородный дачный поселок. Будка охраны на въезде, шлагбаум, ворота. Ближайшие дома прячутся в отдалении на пригорке. Пространство слабо освещается одиноким фонарем на хлипком невысоком шесте. В 50 метрах от будки похрапывает вековой хвойный лес.

Внутри помещения сидит Кирилл в форме охранника. По его напряженной позе и выражению лица становится понятно, как тяжело дается дежурство: время тянется уныло, наваливается как огромный ком ваты, душит, вгоняет в тоску.

Кирилл глянул на часы. На циферблате 23:30.

Пробубнил себе под нос:

– Когда же эти гребаные сутки закончатся!

Накинул сверху зимний камуфляж и вышел из будки к шлагбауму. Потерся на месте, померил пространство шагами, выкурив сигарету.

– Уже пятнадцатая за день. Бросать надо...

Растоптал окурок с отвращением. Выждал еще несколько секунд, глубоко вдыхая свежий воздух, затем, нащупав в кармане пульт, нажал кнопку. Ворота перед шлагбаумом с приятным шелестом пришли в движение и отрезали его от внешнего мира.

Вернувшись в будку, он заварил чашку терпкого пуэра и расслаблено развалился в кресле перед монитором.

– Что за черт? С задержкой, что ли, идет?

Кирилл увидел в камере видеонаблюдения себя самого.

На экране монитора видно, как он докуривает, давит окурки, затем ворота начинают закрываться.

И этот миг его фигурка в мониторе вдруг странным образом изломалась, скрутилась на грани возможностей человеческого тела, затем снова распрямилась и начала совершать жуткие, непонятные ритуальные движения и ритмичные покачивания, будто нелепым здоровенным маятником пыталась загипнотизировать, затуманить, растворить; потом замерла с легким подрагиванием и принялась смотреть прямо в камеру как бы на себя самого.

Кирилл залип на пару секунд, шокированный.

– Что за нахер! Как это возможно? Это розыгрыш такой-то дебилный?

Он выскочил на улицу – там никого. Забежал в помещение к монитору – на экране никаких изменений: он сам вперился в камеру и слегка подрагивает.

– Ничего не понимаю!

Кирилл принялся вглядываться в экран, пытаюсь разобраться, обнаружить выдающие подделку детали.

Тут его лицо криво ухмыльнулось в камеру, исказилось в немыслимом напряжении лицевых мышц и в таком виде застыло.

Настоящий Кирилл дернулся, отшатнулся от монитора, миг покрылся испариной.

Вдруг невдалеке резко и громко залаяла собака. Кирилл подскочил, отвлекся на секунду от монитора, рефлекторно повернув голову в сторону звука, затем снова вернулся к экрану – всё: на картинке никого.

– Так. Так-так-так-так-так...

Достал из кармана ключик, отпер нижний ящик стола, выдернул из глубин бутылку водки, плеснул себе от души треть стакана, моментально проглотил, после чего ещё долго пытался продышаться.

– Ну вот. Это, конечно, не метод, но всё же...

Он вышел на улицу выкурить ещё одну сигарету и заметил тень у кромки леса. Из-за слабого освещения было неясно, человек ли это или что-то другое. Кирилл достал фонарик,

но замер в сомнении.

– Ну, к черту!

Убрал фонарик, вернулся в будку, присел на краешек кресла. Посмотрел на экран. Там на картинке к его двери со стороны деревьев приближался высокий человек. Кирилл вскочил, отдернул занавеску, уставился в окно: никого. Вернулся к монитору: на экране человек стоял уже у самой двери, длинными узловатыми пальцами тянулся к ручке.

Кирилл пулей вскочил и щелкнул задвижку на двери. Ручка начала бешено дергаться, но дверь не поддалась. Кирилл отпрянул к креслу и увидел на экране как дверь открывается – настоящая дверь закрыта – к высокой фигуре на улицу выходит он сам. Они вдвоем поворачиваются лицом к камере и замирают, у позднего гостя вместо лица какая-то клякса. Кирилл нервно выдернул из розетки провода, монитор погас. Кирилл вцепился пальцами в виски, замер на пару секунд, собираясь с силами; матернулся, оскалился, схватил дубинку, дернул щеколду, решительно распахнул дверь и выскочил на улицу – никого.

Вернувшись, он заново включил видеонаблюдение: картинка та же. Затем обе фигуры начали медленно покачиваться, подрагивать, вибрировать, лицо экранного Кирилла стало размываться и через полминуты превратилось в такую же кляксу как у соседа, после чего они оба синхронно развернулись и медленно поплыли в сторону леса. Настоящий Кирилл ещё раз матернулся, выбил из пачки новую сигарету,

нервно закурил, снова вынырнул на крыльцо и увидел уже две человеческие тени у кромки леса.

– Да идите к черту!

Он запустил окурком в их сторону, сплюнул и ушел в будку.

Поднял глаза на часы: 23:31.

– Не может быть...

Проверил на мобильнике: то же.

– Эта б..дская ночь просто не движется... Чертов Гоголь на амфетаминах...

Сцена 8. Райские яблоки

– Это безумие какое-то... – Аня поежилась под ночным ветерком.

– Какие вам нужны ещё доказательства или аргументы? Вам мало того, что уже происходит?

– Ладно, хорошо, убедили. Завтра отправлюсь на эту Садовую...

– Вы опять совершаете ту же ошибку!

– В смысле?

– Вы откладываете, а завтра вы передумаете, рационализуете постфактум, тут же найдутся более спешные дела...

– Да там ночью и нет никого!

– Вот по этому поводу я бы вообще не беспокоился.

– Чёрт! Вот же привязался... – Аня достала телефон. –

Какой там точный адрес?

– Садовая, 22б.

Аня уткнулась в экран:

– Так, Садовую вижу, покрупнее... 20, 22. Есть 22а, «б» не обозначено. Ладно, на месте разберусь. Где здесь ближайшее такси...

...

Кирилл добрался до нового района на последнем автобусе. Весь день после жуткой последней смены его не отпускали бессонница и какая-то липкая, ноющая паника. Он долго решался, но не мог дальше высидивать дома – отправился на остановку уже затемно. И, лишь сойдя с подножки полупустой маршрутки, сразу пожалел о такой трусливой задержке. Темноту немного разгоняли блеклые огни от редких фонарных столбов, но улицы – непривычно пустынные, тихие – выглядели крипово. Ветер завывал, гонял по асфальту почти неразличимый мусор. Одинокое такси промчалось мимо, чуть не задев Кирилла, будто спасалось бегством.

Кирилл долго бродил по серпантину кривоватых улочек в поисках Садовой, спотыкаясь в сумраке о какие-то кирпичи, выбоины и поребрики, и только увидел обрадовавшую табличку, как город подал первые звуки. Зашуршали кусты и из них повыскакивали темные, резкие, агрессивные тени. Стая собак, ершистых, дерганных, разбежалась полукругом и, выжидая дистанцию, разразилась раскатистым лаем. Ки-

рилл похолодел и замер. Собаки ощерились, пригнули гавкающие морды к земле и стали приближаться небольшими рывками напружиненных лап. Кирилл решил отступить с достоинством, медленно, уверенно, не поворачиваясь спиной, но чертовы твари оскалились, начали бросаться, вцепляться в штанины и двуногое быстро подчинилось рептильному мозгу: бежать!

Последний раз Кирилл так улепетывал от собак в детстве. Псы рвали дистанцию, целились в пятки, понукали его разнужданным лаем, разогревались. Кирилл прямо на ходу нашарил в карманах связку ключей и компактный пластмассовый кастет, чтоб не махать голыми руками, но тут наконец-то нашел удобный забор: высокий, с поперечными планками, взлетел на него с лёту, перемахнул на другую сторону, и, защищенный рядом железных прутьев, разразился такой отборной матерной тирадой, с такой неожиданной для самого себя злостью и хамоватой наглостью, что псы ошарашено поджали хвосты и разом разбежались по кустам.

– Зассали, суки драные, сдригнули? Так-то!

Кирилл долго пытался продышаться, одурев от избыточной дозы адреналина, но после расслабился, даже почувствовал небольшую эйфорию победившего смерть существа. Он расправил спину уверенно, руки в карманы, и только потом осмотрелся:

– Ага, вот оно что! – удивленно присвистнул и приблатненной развязной походочкой двинулся в сторону един-

ственного светового пятна – того самого знакомого, даже по-своему родного здания.

Сцена 9. В стране невыученных уроков

Только запрыгнув в одинокое такси и назвав набивший оскомину адрес, Аня сообразила, что старик-то может быть засланным, и сейчас направил ее прямо в ловушку. Но деваться всё равно было некуда, Аня просто решила держаться настороже.

Недовольный таксист долго петлял по темным улицам, что-то без конца бормотал гортанным говором в непонятливый навигатор, вконец запутался, заблудился в лабиринте новостроек, но нашел-таки наконец Садовую, высадил Аню у единственного освещенного здания и был таков.

Она не верила своим глазам. Это была ее родная школа. Светилась огнями по три, требовательно приглашала внутрь, в свою кислотную утробу.

Аня поняла, что делать нечего – придется заходить.

– Щербакова, ты опять опаздываешь! – ее сразу поймала за руку какая-то неодолимая сила в синем заношенном халате.

– Извините...

– И опять без сменки! Ты издеваешься? В следующий раз тебя просто в школу не пущу, отправишься за родителями!

– Спасибо...

Аня проскользнула мимо огромного тела технички и робко поднялась на третий этаж. Дверь в кабинет математики была слегка приоткрыта, будто подманивала. Из кабинета слышался ровный мерзкий голос Елены Леопольдовны. Аня постучала и вошла в класс.

– Вы только посмотрите, кто изволил заявиться! И опять почти вовремя! Что, Щербакова, школьное расписание не для всех написано? У тебя какой-то свой, свободный график?

– Нет, Елена Леопольдовна.

– Ладно, садись за парту. Надеюсь, хоть домашнее задание выполнила?

Аня что-то неразборчиво пробурчала в ответ, быстро нырнула за свою парту, открыла сумочку и с удивлением обнаружила там тетрадь и ручку.

– Щербакова, к доске! – с места в карьер. Аня вздрогнула. – А ты как думала, я о тебе сразу забуду?

Аня медленно, будто во сне, выплыла к сероватой в белых меловых разводах доске.

– Записывай условия задачи!

Дальше всё слилось в какой-то невразумительный гул, ахинею из функций, переменных, интегралов и иной нечисти. Аня что-то выводила крохотным кусочком мела на непостижимо огромной, с целую вселенную, доске, путалась, ошибалась, позорилась. Леопольдовна ухмылялась и злорадствовала, класс притих и беззвучно сопереживал. Мучения

тянулись практически вечность, пока учителька, наконец, не насытилась триумфом и не отпустила жертву на место, снисходительно одарив тройкой с минусом.

– Ведь варят у тебя мозги, Щербакова, только учиться ле-
нишься...

Аня вернулась за парту и обнаружила там ромбом свернутую записку, развернула и прочитала одними губами: *«А» и «Б» сидели на трубе. «А» упало, «Б» пропало... Кто остался?»*

Аня пожала плечами и сунула записку в карман.

Звонок стал сладостным избавлением от кошмара. Вот только – надолго ли?

– Что у нас дальше? – спросила Аня соседку по парте.

– Как что? Сейчас будет концерт в актовом зале. Все уроки отменены. Так ты же выступаешь!

– Что?!

– Ты что, не подготовилась? Тебе вроде Пушкина задавали наизусть?

– Приехали.

– Так выучила?

– Выучила.

Класс быстро опустел.

– Идем, слышишь гул? Народ собрался.

– Подожди пять минут. Посиди со мной.

– Что такое опять?

– Я не чувствую ног.

– Господи, ты себя в зеркало видела? В гроб краше кладут!

– Спасибо.

– Возьми платок, лицо вытри. Всё в испарине.

– У меня свой есть.

– Как знаешь.

– Там много людей передо мной выступает?

– Да я откуда знаю?

Открылась дверь класса:

– Щербакова, пора на сцену!

– Иду.

Аня с усилием извлекла свое непослушное тело из-за парты и на деревянных ногах заковыляла в просторный коридор, превращенный по случаю очередного неясного торжества сотней параллельных скамеек в актовЫй зал. Вдалеке, в каком-то тумане возвышалась сцена. Тысяча голов повернулась в ее сторону, гомон поутих, равнодушные глаза следили за комично кривой походкой.

Аня вошла на сцену. Молодая ведущая, русский язык и литература, бодро рявкнула в микрофон:

– Анна Щербакова. Читает стихи А.С. Пушкина.

Аня помедлила ещё секунду, но подошла к стойке:

– Пушкина на будет, – открытая ладонь в сторону дернувшейся русички. – Задрали уже со своим Пушкиным. Борис Пастернак.

Аня закрыла глаза и сразу, пока никто не вмешался, не

перебил:

– Гул затих. Я вышел на подмости.

Прислонясь к дверному косяку...

Строчки ложились ровно, как мшистые декоративные камни у мастеровитого строителя. Её голос, вначале тихий и робкий, какой-то домашний, вдруг обрел силу, окреп, заструился в зал. Аня поняла, что больше не паникует, не боится – пошли они вообще все к черту! – что ей давно хотелось что-то им всем высказать: не грубое, но жесткое, наблевшее, откровенное, и открыла глаза...

Сцена 10. Квест

Одинокий фонарь освещал крохотную часть застывшего пространства: решетка, калитка, асфальт. Прямо в конусе света стоял человек: молодой, невысокий, вихрастый. Аня хотела было пройти мимо.

– Отучилась? – парень ухмыльнулся.

– Что, простите?

– У вас портфель школьный.

– Черт. И правда, – Аня остановилась и удивленно посмотрела на ранец. – Откуда он взялся?

– Это всё Антиквест долбаный.

– Мне говорили что-то про квест, который не квест, а во все наоборот.

– Это точно. Извините, я не представился. Меня Никита

зовут.

– Аня. А вы...

– Тоже, как бы выразиться поточнее... – он покрутил пальцами, – жертва этой хрени.

– Они и вас достали?

– Давно уже. Сил нет терпеть. Вот тоже хожу, ищу чертову Садовую 22б, надеюсь расквитаться с козлами.

– А это разве... – Аня махнула рукой в сторону школы.

– Вы читать умеете? Это Садовая 22а.

Аня близоруко прищурилась, разглядывая табличку.

– Точно. Так тут не одно здание?

– Хрен его знает. Тут вообще всё неопределенно.

– А у вас что было? В смысле испытаний?

– Тут всего и не рассказать. Но после того, как меня двое суток о..евшие менты без объяснений продержали в обезьяннике, грозясь посадить на бутылку, меня уже ничем не удивить и, надеюсь, не испугать. Зато...

Его прервал резкий скрипящий звук. Аня испуганно обернулась к воротам школы. Это Кирилл вышел за ограду, и калитка на пружине тут же захлопнулась, подтолкнув, даже вышвырнув его на улицу. Огни в окнах здания тут же разом все погасли. Кирилл удивленно повернулся к воротам, подергал – заперто.

– Смотрите, ещё одна рыбка выскользнула из сети, – усмехнулся Никита.

– Вы тоже здесь видите Пенсионный фонд? – подошел к

остальным Кирилл.

Аня немного нервно хихикнула:

– Нет, как раз наоборот. Родную школу.

– Но как такое возможно? – Кирилл обернулся, но здание утонуло в темноте – был едва различим лишь контур.

– Я Никита, это Аня...

– Кирилл.

– Поверь, братан, тут возможно всё!

– Понимаете, я был здесь пару недель назад, но днем, увидел здание Пенсионного фонда – это точно оно, я там пару лет по юности работал – а оно же совсем в другом районе! Только я зайти не мог – всё было закрыто. И с этого дня со мной всякая жуть начала происходить. И постоянно ночью. И реклама этого квеста дурацкого повсюду! Я и подумал, может ночью тут что-нибудь разведать...

– Ну и как – разведал?

– Ещё бы! Столько лет прошло, а там вообще ничего не изменилось! Никто не постарел ни на день. И все меня помнят, будто я только вчера уволился!

– Но ведь была и особая причина, из-за которой ты хотел вернуться? – выпытывал Никита.

– Была причина. Сейчас она замужем. У нее уже трое детей. А там ей снова девятнадцать! Черт, какой же она была красивой, тоненькой, стройной! Я как в ледяной омут рухнул! Так и не отпустило меня оказывается за все эти годы... И снова как подросток себя чувствовал: краснел, смущался,

запинался.

– Стыд и срам? – съехидничал Никита.

– А вот и нет! Теперь, спустя годы, понимаешь – какое же это было счастье! Вот так любить, так добиваться, даже расставаться – все эти буйства юности, эти нерастроченные, не потускневшие чувства! Полнота и насыщенность жизни...

– Так почему же ты там не остался? – не унимался Никита.

– Я и хотел поначалу. Даже залип на какое-то время – оно там как-то странно течет, в нем как будто вязнешь. Даже не помню, сколько времени там провел...

– То-то у тебя трехдневная щетина...

– Щетина... – Кирилл удивленно провел по щеке рукой. – Странно... Да! Так меня оттолкнуло даже не само понимание, что всё это иллюзия, такая гротескная пародия на мою молодость, а просто я осознал в какой-то момент, что ничего вернуть нельзя. Я уже сам с тех времен настолько изменился, скурвился даже; вся эта наивность, невинность, порывистость – всё святое – эта б..дская жизнь выдувала годами безжалостно, остался один только циничный скелет...

– Ух ты... Ладно, братишка, не тилтуй.

– Никита, а откуда ты знаешь, что там можно было остаться? – с подозрением спросила Аня.

– Поверьте, я гораздо дольше вашего пытаюсь с этим Антиквестом разобраться: там уже куча народа сгинула.

– С концами?

– Ага.

– И что же, их не ищут? – усомнился Кирилл.

– Вот тут начинается самое стремное. Их ищут, конечно, поначалу. А потом как-то так получается, что их начинают забывать – о том, что они вообще существовали – причем, довольно быстро...

– Бедный старик! – прошептала Аня.

– ...и возможно тут есть взаимосвязь: туда уходят именно те, кого искать особо не будут – то есть им заведомо не к кому возвращаться, или просто незачем: тот мир гораздо привлекательнее.

Аня вспомнила шквал аплодисментов после недавнего выступления и кивнула.

– Но раз уж вы выбрались из 22а, у меня вопрос: кто-нибудь это долбаное 22б обнаружил? Нет? Тогда пошли искать!

Сцена 11. Антиквест

Они долго петляли в сумраке закоулками, переулками, тупиками вокруг извилистой Садовой, поеживаясь от промозглого холода и жути.

– Послушайте, никого не удивляет такая тишина и... пустота эта криповая? – Никита осмотрелся вокруг.

– В смысле?

– Гляньте, ни одного человека на улицах, ни машины, даже ментовской патрульной, такси или скорой помощи...

– Меня привезло такси.

– Ну и всё. А местные? Ни звуков, ни сирен там, пьяных криков, ничего вообще.

– Так ночь ведь, спят уже все, – отмахнулась Аня.

– Ага, и ни одного окна горящего, даже синеватого от блика телевизора или монитора. Город будто вымер.

– Или тут и не жил никто... – Кирилл застыл на месте.

– Или тут и вовсе жить нельзя.

– Успокойтесь. Район новый, большая часть квартир ещё не заселена. Хватит ужас наводить! – голос Ани дрогнул.

Никита вдруг схватил камень с земли и метким броском разбил ближайшее стекло.

– Что ты творишь?

– Спокуха. Там никого нет. Слышите?

Он нашел ещё кусок кирпича и выбил стекло в доме напротив.

– Ну? Ни звука. Можно залезть в любую квартиру проверить. Но уверен – они все не жилые.

– В тюрячку захотел?

– Но подождите, – Кирилл замахал руками. – Я бывал здесь утром, тут полно людей и машин, обычный город.

– Да ты сам прислушайся! Разве в обычном городе может быть такая мертвая тишина?

Аня напряглась:

– Ты будто всё ведешь к чему-то, можешь прямо сказать?

– Хорошо. Я тоже был на Садовой 22а. Прошел их долбаный лабиринт, а на выходе, уже на улице ко мне подошел

странный дед и, подозрительно озираясь, запихнул листовку в мой карман, ничего не сказал и тут же свалил. А в листовке объяснялось в общих чертах, с чем мы все столкнулись. Так вот: каждый видит на месте этого здания что-то своё, это может быть школа, или покинутый родной дом, или старое место работы, где до сих пор можно встретить свою бывшую – так, Кирилл? – не знаю, как им это удастся, суть Антиквеста от этого не меняется...

– Так в чем он? Не томи, достал уже!

– Хорошо, я зачитаю, – Никита достал из кармана замуколенный пестрый рекламный листок:

«...вот основные правила, превращающие АнтиКвест в уникальный experience:

1) ты участвуешь не добровольно;

2) ты не знаешь о своей участи;

3) ты не ограничен одной искусственной локацией, ивенты могут застигнуть тебя где угодно;

4) ты либо один, либо не знаешь, против кого или с кем играешь в команде;

5) ты не можешь добровольно выйти из игры;

6) победителей нет, только приобретенный личный опыт;

7) этот квест не заканчивается никогда, теперь это просто твоя жизнь...»

– «Против кого». Зашибись. Чего им вообще всем от нас надо? – Аня была готова заплакать.

– Мне больше интересно – кто эти «все» и как их достать.

– Я ещё одного не понимаю, – Кирилл взял листовку у Никиты, начал внимательно разглядывать. – Все только и триндят про 22б, реклама, буклеты всякие, только вот нет этой чертовой «бэ» ни на одной карте, а все мы наткнулись только на 22а, где и было у каждого свое, как бы поточнее выразиться: видение?

– Послушайте, – голос Никиты странно напрягся. – Садовая 22а и 22б – это мало того, что разные здания с разным функционалом, а вы не думали, что это могут быть и различные организации, в том числе конкурирующие, даже враждующие, где одна мимикрирует под вторую, перехватывает ее клиентов? Возможно, спасает или наоборот губит? Тут главное не промахнуться, не перепутать. Они могут быть как инь-ян, хаос и порядок, тьма и свет...

– Ага. И борются за наши души. Очень свежо, – Аня присела на скамейку передохнуть.

– Ну, наверное, не души, но за наш выбор, наши поступки. Доказывают каждый свою идею.

– Тогда, скорее, как левые и правые, демократы и республиканцы, либералы и консерваторы.

– Тогда, пожалуйста, сразу укажите, куда опустить бюллетень, и я пойду, наверное? – скривился Кирилл.

– Боюсь, так просто от них не отвяжешься, – гробовым

голосом припечатал Никита.

– Но зачем так над нами издеваться? – Аня спрятала в ладони лицо.

– Потому что нет греха страшнее мещанства! – Никита на миг стал похож на древнего пророка. – И нет худшей жизни, чем нормальная жизнь!

Аня и Кирилл испуганно переглянулись.

Сцена 12. А и Б

Аня не верила своим ушам.

– Зашибись! То есть это мы виноваты!?

– Проясни! – напрягся Кирилл.

– Да, это ваша вина. Ты виноват, что ты здоровый молодой мужик с высшим образованием, полный сил и амбиций сливаешь свою жизнь в унитаз, работая, – Никита скривился при слове «работая», – позорным охранником сутки-трое: просто стоишь за убогим шлагбаумом и честь отдаешь вору-гам, что дворцов понастроили, и от остального народа трехметровым забором отгородились.

– Тут прям философия...

– И ты виновата, Аня, что всю жизнь мечтала быть писателем, прочла тысячу детективов, сама знаешь, что можешь гораздо лучше, что ты умнее всех этих литературных негров, которые под одним именем по десять романов в год высерают, – Никиту перекосило при слове «романы», – а

всё равно работаешь бухгалтером за копейки в шараге, что какую-то лабуду продает, ненавидишь себя за это и тонешь в одиночестве и депрессии с нереализованным творческим потенциалом. И думаете вас мало таких прожигателей жизни? Проснитесь, недоделки!

Кирилл от души размахнулся и вмазал Никите по морде.

– Так достаточно бодро?

– Уже лучше, – согласился Никита, держась за скулу. – Только этого всё равно недостаточно. Я был таким же бес-толковым, бесполезным и несчастным.

– А потом нашел бога... Может хватит этих проповедей?

– Да ладно, и так понятно, что проповедями, советами добрыми вас не пронять. А вот вывести из зоны комфорта, дать заглянуть в лицо своим страхам, разломать привычную пластмассовую защитную оболочку, которой вы себя окружили, гарантировав неминуемое выживание на десятилетия вперед; выживание, но и гниение тоже; вытащить вас на свежий морозный воздух, заставить продышаться, вот тут уже есть шансы снова жизнь пробудить.

– То есть мы ещё «спасибо» должны сказать за это?

– Было бы неплохо, но на данном этапе вашего развития, я понимаю, что это пока невозможно. Пока.

– Мне нужно переговорить с этими людьми, как с ними связаться? – Аня схватила Никиту за рукав.

– Да нет никаких людей на Садовой вашей, нет никакого заговора! – вмешался Кирилл. – Я тоже сначала пара-

ноил. А теперь понял: это просто и есть жизнь. Обыкновенная, хаотичная, б..дски непредсказуемая. Живешь ты, зла не знаешь, вдруг – бац! Война, землетрясение, неизлечимая болезнь, измена, нищета, тюрьма, изгнание. Ведь никогда такого не ждешь, но ни от чего не зарекайся! Хотел – не хотел; готов – не готов, никого не волнует. Схлопнулась волновая функция, прокнуло невезением, бедой – терпи, расплачивайся, учись жить в новых обстоятельствах. Миллиард лет эволюции ведь только об этом: изменяйся, приспособливайся или умрешь. Вот и всё. И никаких дополнительных загадочных квестов не надо...

– Ты что, до сих пор не понял? – перебила Аня.

– Что? – Кирилл осекся.

– Да он сам агент этих тварей! Откуда он всё знает? Так ещё и целую лекцию прочитал об их целях и намерениях. Манифест освобождения человечества от мещанства и рутины.

– Да понятно, что он за них! Только никто его не покупал, контракты не подсовывал, он просто понял в общих чертах, что тут творится такое, и принял эту сторону! Пойми, не в силах человеческих организовать такой, как вы это называете: «Антиквест»? Никто не сможет такие ресурсы подключить! Да оглянись! Тут целый район построен на месте пустырей и помоек, он днем заполняется толпами людей, а на ночь они все уходят, уезжают домой после смены. И тут никого нет.

– И кто же это? Бог, дьявол, пришельцы?

– Зачем так сразу? Это может быть что угодно. Но мне кажется, что мы просто не понимаем до конца, как Вселенная работает, как она устроена. Ученые ещё не открыли всех законов. А какие-то, может, и не откроют никогда. А мы просто столкнулись с одним из них в прямом действии.

– И в чем его суть, вкратце?

– Можно я? – влез Никита, фиглярствуя. – Только если драться больше не будете! Спасибо. Суть в том, что это не игра, не квест, как и написано в листовке – он никогда не заканчивается. Кирилл прав – теперь это просто твоя жизнь. Да, именно так Вселенная и работает. Давит, вмешивается, если кто-то живет не своей жизнью. А стоят ли за этим конкретные люди, космические Странники или просто силы Природы – вам-то какая разница? Вас в любом случае уже не отпустят. Вам либо придется сотрудничать, как решил я, либо противостоять. Причем правильной стороны тут нет. Оставайтесь на внятной 22а или ищите мистическую 22б. Всё определяется вашей сутью: характером, способностями, мировоззрением.

– Мы должны сделать выбор?

– Ну, наверное, не прямо сейчас, хотя, – Никита глянул в мобильник, – уже пять утра, а мы толком...

Вдруг во всех окнах всех домов вокруг зажегся свет.

– Что за чёрт!

Они испуганно огляделись. И увидели через окна: в каж-

дом подъезде по лестницам спускались вниз люди. Сотни, может быть – тысячи.

– Боже... – Аня замерла от испуга.

Двери подъездов распахнулись как по команде, и на улицу высыпали люди: все в масках, где вместо лиц какие-то кляксы.

– Не стой же, бежим! – Кирилл схватил Аню за руку и они побежали по улице, Никита припустил следом.

Люди выходили из всех домов, неспешно, организованно, сливались в толпу, двигались за беглецами, но на расстоянии.

– Да постойте, они же не нападают, у них даже нет оружия! – Никита быстро запыхался и начал отставать.

– Давай быстрее! Или ты действительно за них? – крикнула на ходу Аня.

– Да ты на маски их посмотри! Ты серьезно хочешь с ними пообщаться? – Кирилл вертел головой вокруг, не снижая темпа. – Смотрите, автобус!

Действительно от новенькой конечной автобусной остановки отчаливал ранней пташкой симпатичный «Hyundai».

– Стойте! Подождите нас!

Автобус остановился. Открыл дверцы. Беглецы взлетели по ступеням.

– Поехали! Быстрее!

Они плюхнулись на сиденья, запыхавшиеся.

– Ну вот, сбежали от флешмоба, герои! – Никита разоча-

рованно скривился.

– Оставался бы, если там так весело!

Автобус начал набирать скорость.

– Кто-нибудь заметил номер маршрута?

– Отсюда все дороги ведут в нормальный город, – Кирилл задумался. – Но Никита прав. Нам нельзя сдаваться, нельзя так просто это оставлять. Надо будет вернуться: между 22а и 22б выбор придется делать каждому.

Аня вдруг хлопнула себя по лбу, порылась в кармане, извлекла оттуда скомканный лист бумаги, перечитала записку и начала истерично смеяться:

– Нет, вы поняли: «А» и «Б» сидели на трубе. «А» упало, «Б» пропало... Кто остался?

– Что?

– Кто?

– Мы, мы остались на этой чертовой трубе...

Над городом занималась заря. Маленький пухлый автобус уезжал от толпы людей в масках, застывших на улицах. Снаружи, у лобового стекла, горела неонов крошечная квадратная табличка с номером маршрута: «22Б».

V.V.

2020